

— Это Ваньсин! Наконец-то ты позвонил! Когда придёшь забирать уведомление о зачислении? Поздравляю, ты снова стал лучшим в нашем городе! — Услышав его голос, классная руководительница тут же рассмеялась. Юй Чжан, подслушивавший рядом, вытаращил глаза. Ничего себе, вот это братишка, лучший в средней школе, и на вступительных экзаменах тоже лучший, вот это сила, ц-ц-ц.

Е Ваньсина переполняли смешанные чувства: волнение и злость на себя из прошлой жизни за то, что так легко сдался. Как он мог поверить в бредни тётки о том, что он не сдал?

Немного успокоившись, Е Ваньсин договорился с классной руководительницей о времени, когда он заберёт уведомление, и, попрощавшись с ней, которая явно не хотела его отпустить, повесил трубку.

— Поздравляю, старина Е! В какой университет ты подавал? В Университет S? — спросил Юй Чжан, подбегая к нему, как только тот положил трубку. Он помнил, что старина Е раньше говорил, что хочет поступить в Университет S.

Е Ваньсин с улыбкой на лице кивнул. Университет S был его неизменной целью с самого детства, и теперь, зная, что он действительно поступил, он был несказанно счастлив.

Юй Чжан тоже радовался за него. Он потащил его обратно к себе домой и рассказал всё матери. Четвёртая тётушка расцвела от радости, будто это её собственный сын поступил в Университет S. Сказав, что это нужно отпраздновать, она схватила корзину для овощей и выбежала на улицу.

Е Ваньсин и Юй Чжан остались дома одни из-за импульсивной Четвёртой тётушки. Они переглянулись и не смогли сдержать смеха.

Подурачившись немного, они вдруг услышали громкий стук в дверь из соседней квартиры.

— Старина Е, это, кажется, стучат в твою дверь? — Юй Чжан с острым слухом тут же подбежал к кухонному балкону, чтобы прислушаться. Он убедился, что звук доносится именно из квартиры Е Ваньсина.

Е Ваньсин тяжело кивнул. Он примерно догадывался, что происходит.

И действительно, вернувшись к своей двери, Е Ваньсин увидел, что она плотно заблокирована несколькими людьми. Его дядя безостановочно колотил в дверь, и если бы он продолжал в том же духе, другие жильцы наверняка начали бы жаловаться.

Е Ваньсин решительно заговорил:

— Что вы делаете, столпившись у моей двери?

Несколько полицейских, стоявших за спиной тёти и дяди Е Ваньсина, услышав за спиной ясный голос юноши, обернулись. Увидев Е Ваньсина, они невольно восхитились: какой изящный и благородный юноша.

С самого детства говорили, что в Е Ваньсине есть какая-то старинная, книжная аура. Вдобавок к унаследованной от родителей утончённой внешности, он всегда выделялся в толпе, как журавль среди кур, привлекая всеобщее внимание.

Женщина-полицейский, увидев внешность Е Ваньсина, смягчилась и сама поздоровалась с ним.

— Ты Е Ваньсин? Мы здесь, чтобы помочь тебе решить проблему, не бойся.

Е Ваньсин улыбнулся ей, но его взгляд упал на слегка виноватое лицо дяди, и он спокойно спросил:

— Дядя, зачем вы с тётей пришли?

Как только он произнёс эти слова, полицейские переглянулись, заметив что-то неладное. Почему этот юноша, кажется, не в лучших отношениях со своими единственными родственниками?

Дядю Е Ваньсина звали Ма, по имени — Хэн. Имя соответствовало его характеру. Ма Хэн чувствовал себя виноватым всего секунду, но, подумав о деньгах, которые можно вытянуть из Е Ваньсина, тут же сменил маску.

— Ваньсин, мы с твоей тётей беспокоимся о тебе. Мы пришли сказать, что решили прописать тебя у нас. С этого момента ты будешь жить с нами! Мы же одна семья!

Он уже говорил это полицейским. Они — единственные родственники Е Ваньсина, и забрать его к себе, чтобы заботиться о нём, — это само собой разумеющееся. Полицейские до этого момента не видели в этом ничего плохого.

Но теперь, видя, как у Е Ваньсина мгновенно покраснели глаза после слов Ма Хэна, они растерялись.

Е Ваньсин действительно уже не помнил, что тётя и дядя так поступили с ним в прошлом. Он с трудом сдерживал слёзы, говоря себе, что не стоит расстраиваться из-за таких людей, и с трудом произнёс:

— Мне не нужна ваша забота, я могу справиться сам.

Услышав это, Ма Хэн встревожился. Почему этот ребёнок такой несговорчивый.

— Ты ещё ребёнок, что ты понимаешь? Дядя делает это для твоего же блага. Похороны твоих родителей, твоя будущая работа, женитьба — всё это будет на нас!

После этих слов несколько полицейских-мужчин сочли их разумными. Только у женщины-полицейского что-то ёкнуло в сердце. Женщины более внимательны, и ей показалось, что в этих словах что-то не так.

Е Ваньсин увидел на лицах полицейских одобрение и почувствовал горечь. В прошлом его тоже убедили полицейские, и он согласился на перепрописку...

Е Ваньсин подошёл, его лицо стало более спокойным. Он открыл дверь.

— Раз уж вы так говорите, заходите все.

На лице Ма Хэна появилась самодовольная улыбка. Он так и знал, что этот сопляк ничего не понимает, и будет делать всё, что ему скажут.

Все гурьбой вошли в квартиру. Войдя внутрь, женщина-полицейский почувствовала, как у неё всё похолодело. Она инстинктивно поискала взглядом Е Ваньсина и обнаружила, что он смотрит прямо на неё. В его, казалось бы, спокойных глазах была... ненависть?

Она слегка вздрогнула и тут же повернулась, чтобы посмотреть на лица супругов, но обнаружила, что они даже не пытались утешить мальчика, у которого умерли оба родителя. Их жадные взгляды блуждали по комнате, и это непроизвольно проскользнувшее выражение заставило её сердце сжаться.

Е Ваньсин отвёл взгляд, с удовлетворением отметив, что женщина-полицейский заметила неладное, и вздохнул с облегчением.

Он знал, что желание дяди заботиться о нём было нормальным как с точки зрения чувств, так и с точки зрения закона. Но только при условии, что дядя действительно о нём беспокоится.

А теперь он должен был показать этим полицейским, что дядя не только не беспокоится о нём, но и хочет выжать из своего племянника последнюю каплю ценности!

— Мебель дядя помог мне продать, так что извините, придётся постоять. — Равнодушно сказал Е Ваньсин, затем пошёл на кухню, принёс несколько стаканов воды и раздал полицейским.

Полицейские не ожидали, что этот ребёнок будет таким воспитанным. Несмотря на своё положение, он помнил о гостеприимстве. Они приняли воду обеими руками и поблагодарили его.

Тётя и дядя Е Ваньсина взяли воду и небрежно поставили её на обувную полку у входа, продолжая оценивать площадь квартиры.

У женщины-полицейского уже зародились подозрения, и она не удержалась и спросила:

— Ученик Е Ваньсин, почему ты продал мебель?

— Дядя сказал, что хорошее место на кладбище сейчас стоит больше ста тысяч, и ещё каждый год нужно платить несколько тысяч за уход. Мебель из хуанхуали дома ещё чего-то стоила, дядя сказал, что если её продать, то родители смогут упокоиться с миром. — Слова Е Ваньсина были чистой правдой, именно так дядя сказал ему тогда, и он до сих пор это отчётливо помнил.

Лица женщины-полицейского и её коллег стали не очень-то приятными. Они, конечно, знали, что хорошее место на кладбище стоит недёшево, но проблема в том, что родители Е Ваньсина умерли, а ребёнка заставляют продавать ценные вещи из дома, чтобы купить это место. Деньги потрачены, а как этот ученик будет жить дальше?

Пожилой полицейский тоже постепенно начал понимать ситуацию. Он отпил холодной воды, увидел беспорядок в гостиной и легко догадался, как жилось этому ученику после смерти родителей. Подумав, он осторожно спросил Е Ваньсина:

— Мы выяснили, что твои единственные родственники — это тётя и дядя. Они готовы стать твоими опекунами и взять на себя расходы на твою жизнь. Каково твоё желание? Ты хочешь жить с ними?

Супруги Ма Хэн, услышав, что вопрос задан по существу, перестали осматривать квартиру и тут же подскочили вперёд. Тётя Е Ваньсина даже выдавила две слезинки.

— Моя бедная старшая сестра, так ушла, оставив единственного росточка, без материнской любви, без отцовской заботы, как же ему теперь жить? Ваньсин, пойдём домой к тётке, дом тётки — это твой дом!

«Боюсь, если я действительно пойду к тебе, мой дом станет твоим домом!» — Е Ваньсин смотрел на отвратительное лицо тётки и чувствовал, как в нём закипает ненависть.

В прошлой жизни, после того как тётка с дядей забрали его к себе, он не забыл, какой жизнью он жил. Он ел, спал и носил то, что оставалось после них. Они даже заставляли его покупать гигиенические прокладки для их дочери! Если бы их дочь, которая его терпеть не могла, не выгнала его из дома, он бы неизвестно сколько ещё унижений претерпел в их семье.

Чем больше Е Ваньсин думал об этом, тем сильнее становилась его ненависть, но на его лице появилось скорбное выражение, и слёзы беззвучно покатались по щекам.

— Тётка... скажи мне честно, двухсот тысяч... всё ещё недостаточно?

Его слова ошеломили супругов Ма Хэн.

— Какие двести тысяч? Ваньсин, что за чушь ты несёшь?

Е Ваньсин не обращал на них внимания. Он слегка повернул заплаканное лицо к женщине-полицейскому.

— Сестра-полицейский, если я соглашусь на перепрописку, то мой дом и страховка моих родителей перейдут под их опеку?

— Маленький Ваньсин, ни в коем случае не соглашайся! — внезапно раздался гневный крик из-за двери. Четвёртая тётушка с корзиной для овощей в руках ворвалась в комнату.

Она только что стояла у двери и всё слышала.

— Товарищи полицейские, нельзя переписывать прописку маленького Ваньсина! Этот дом его родители купили для него, чтобы он в будущем жену привёл! А эти его родственники, они никогда не ладили с семьёй маленького Ваньсина. Если он действительно переедет к ним, разве его ждёт хорошая жизнь?! — Четвёртая тётушка была настоящей северянкой, и когда она волновалась, её голос становился очень громким. Несколько полицейских скривились от боли, только женщина-полицейский, услышав её слова, тут же начала расспрашивать об отношениях семьи Е Ваньсина и семьи Ма Хэна.

Четвёртая тётушка ничего не скрывала и рассказала всё, что знала о их вражде, а в конце добавила:

— Вы же видите, после того, что случилось, эта парочка только и сделала, что вынесла ценные вещи из дома маленького Ваньсина, и ни разу его не навестила! Не говоря уже о заботе! Я слышала от семьи Е, что их мебель из хуанхуали — это антиквариат. Тогда даже тот бессовестный торговец предлагал за неё двести тысяч. Если её действительно продать, она ведь должна стоить гораздо больше, правда?

Нескольким полицейским всё стало ясно. Дело было решённым. Достаточно было посмотреть на ненавидящие взгляды этой парочки и на то, как этот ученик доверяет своей отзывчивой соседке, чтобы понять, в чём правда.

Молодой полицейский не удержался и спросил своего начальника:

— Что же делать? Оставлять всё это ребёнку тоже не дело, верно?

— Я уже совершеннолетний, — внезапно сказал Е Ваньсин, и все взгляды устремились на него.

— Согласно законам нашей страны, граждане, достигшие восемнадцати лет, являются совершеннолетними, обладают полной гражданской дееспособностью, могут самостоятельно осуществлять гражданскую деятельность и являются полностью дееспособными лицами. Я могу сам о себе позаботиться.

<http://bllate.org/book/14939/1324017>